

Х 36
189

Д 1-5
14

ГОДЪ ТРЕТІЙ
ТОМЪ V.



№ 1

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

ЧЕТВЕРГЪ, 6-ГО ЯНВАРЯ

1849 ГОДА. № 1.

Русская и иностранная литература, науки, искусства, критика, театр, концерты, публичные зрѣлища, библиографія, письма петербургскія, провинціальныя и заграничныя, новости и мелкія извѣстія.

ОГЛАВЛЕНІЕ 1-ГО НОМЕРА.

СЛОВЕСНОСТЬ.—1. Опекушка, разсказъ.
СТИХОТВОРЕНІЯ.—2—1. П. Хвощинской, 3—Бегство, 4 Троя, 5—Нашъ Аликсандръ (М. Михайловъ).
ЮМОРИСТИКА.—6. Подслушанныя разговоры, 12 статей М. П.—ва.
СМѢСЬ.—19. Ресептъ для сочиненія увертюры.—20. Письмо изъ Лондона.
21. Сильный отвѣтъ.
АНЕКОДОТЫ, НОВОСТИ, МЫСЛИ.—7 Статеекъ.
ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПИСЬМА.—29. Новый годъ, и проч.

Выходить еженедѣльно, ПО ЧЕТВЕРГАМЪ, тетрадью, заключающею въ себя не менѣе 16-ти страницъ и равняющеюся 5-ти листамъ, въ 8-ю долю. Подписная цѣна, за 50 номеровъ въ годъ, 11 руб. 50 к. сер. За пересылку и доставку на домъ прилагается 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Конторѣ Литературной Газеты на Невскій проспектъ, у Полицейскаго моста, въ домъ Голландской церкви, въ книжномъ магазинѣ П. А. Ратькова и въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта. Всѣхъ, имѣющихъ какое-либо дѣло до Редакціи, просить обращаться съ письмами къ *Владимиру Рабалоичу Зотову*, у Большаго Театра, въ домъ Пимкова.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ОПЕКУНША.

(РАЗКАЗЪ)

I.

«Да чтожъ онъ, волкъ его задави, до сихъ поръ не ѣдет!» кричалъ толстый, низенькій мущина въ халатъ, стоя на крыльцѣ небольшого деревяннаго домика, выходившаго въ переулокъ одной изъ ротъ Семеновскаго полка.

Это было въ одинъ изъ свѣтлыхъ майскихъ вечеровъ 178 года Въ воздухѣ было довольно свѣжо; изъ за угла дома по временамъ продувалъ рѣзкій вѣтеръ. Кромѣ мущины, такъ энергически выражавшаго свое нетерпѣніе, на крыльцѣ стояло еще трое мущинъ и одна женщина. Всѣ они смотрѣли по одному направленію, къ тому мѣсту, гдѣ переулокъ соединялся съ ротою.

Мущина въ халатѣ, видя, что собесѣдники не отвѣчаютъ ничего на его восклицаніе, продолжалъ громкимъ и рѣзкимъ голосомъ, отзывавшимся синопатостію:

«Ай да молодецъ! Третій день какъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и до сихъ поръ съ опекуномъ не повидался. Вотъ что значитъ молодость. Степанъ Ивановичъ!

— Ну, оно понятно, отвѣчалъ Степанъ Ивановичъ, высокій и плотный мущина съ багровымъ лицомъ, огромными посѣдлыми усами и живыми сѣрыми глазами, блестящими подъ густыми бровями.» Молодой человекъ! въ первый разъ въ Петроградѣ! Глаза разбѣжались! Туда, сюда, время между тѣмъ проходить, а опекунъ вѣдь нивкуда не уйдетъ въ это время! Можетъ и подождать!

«Подождать! заревѣлъ мущина въ халатѣ такъ громко, что женщина, стоявшая подлѣ него и смотрѣвшая безозвательно въ переулокъ, невольно вздрогнула. Подождать! Я ужъ и то давно ожидаю его. Еще въ ... писалъ къ нему, чтобы прямо ко мнѣ пріѣзжалъ. Такъ нѣтъ, и тутъ не послушался. Остановился въ гостиницѣ, и только на третій день о себѣ вѣсть подаль, соблаговоливъ цидулку прислать. Съ дороги, вишь, не совсѣмъ здоровъ.»

— Ну чтожъ, и это можетъ быть! продолжалъ Степанъ Ивановичъ, 1400 верстъ проѣхать не казачь съѣсть, отзовется небось въ поясацѣ! Зачѣмъ же ты самъ къ нему не поѣхалъ. Хорошо опекунъ!

«Вотъ еще, что выдумалъ. Самъ не поѣхалъ!... Мало что ли тебѣ, что я къ нему Ильишку послать въ каретѣ съ крѣпкимъ наказомъ сей часъ же съѣсть въ нее и пріѣхать? Нѣтъ братъ, Степанъ! Самому-то мнѣ, вишь ты, по трактирамъ за молокосами разбѣзжать не прихо-

дится! Тяжелъ больно на подъемъ сталъ.»

— Откуда такой усѣбъ взялся? Въ какой компаніи ноги отбили, что вдругъ своего питомца навѣститъ не въ моготу пришло? Ну, а какъ онъ и въ самомъ дѣлѣ не на шутку прихворнулъ? Не стыдно ли тебѣ тогда будетъ, что ты вмѣсто себя человека къ нему посылаешь?

Опекунъ, сильно покраснѣвшій съ досады въ началѣ фразы, при послѣднихъ словахъ Степана Ивановича какъ-то странно захлопалъ глазами, и въ голосѣ его выразилось что-то похожее на сожалѣніе.

«А что какъ его и въ самомъ дѣлѣ такъ прихватило, что онъ и ѣхать не можетъ? а? что тогда! Какъ ты думаешь?»

Послѣднія слова опекуна относились уже не къ Степану Ивановичу, а къ женщине, стоявшей подлѣ него. Вѣроятно не подозрѣвая, что ее именно удостоивали конпросомъ, женщина эта, супруга опекуна, такъ сильно безпокоившагося о своемъ питомцѣ, не отвѣчала ни слова и продолжала безотчетно смотрѣть въ переулокъ, хотя по выраженію глазъ ея было ясно видно, что она рѣшительно ни на что не смотритъ.

«Да что ты, матушка, оглохла, что ли? заревѣлъ опять супругъ. Я съ тобой говорю, а ты отъ меня и рыло воротнишь?»

При этихъ не совсѣмъ деликатныхъ словахъ, супруга вздрогнула, и отвѣчала скоро, испуганнымъ голосомъ:

И однакоже, между всеми этими лицами мнѣ почему-то очень весело. Я говорю онекуду любезности, смѣюсь надъ онекудишей и ея снитою и вообще очень доволенъ своихъ положеніемъ. Впрочемъ мнѣ весело отъ того, что я жду тебя, мою милую, мою коханку. Только это ожиданіе и дѣлаетъ мнѣ сноснымъ этотъ несносный Петербургъ. Я люблю даже его скучныя, длинныя ночи, потому что въ эти ночи вижу опять мою родину, мое безграничное небо, мои безконечныя степи, вижу тебя, мою черноокую красавицу; слышу вновь знакомыя трели жаворонка, пѣсню Украины, твой серебрястый голосъ, который шепчетъ мнѣ слова любви.

Р. С. Я нашелъ здѣсь также еще одного дальняго родственника. Объ немъ не могу тебѣ сказать покаместъ ни одного слова. Мнѣ еще надо хорошенько узнать его.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Кому не случилось лежать на травѣ,
И взоромъ въ небесной слѣдить синевѣ,
Подъ сводомъ деревень кудравыхъ?
Вы помните, птицы шумятъ по вѣтвямъ,
И гвѣзды свиваютъ, и кажется вамъ
Весь трудъ ихъ безпечной забавой.

И съ шумомъ и крикомъ хлопочуть онѣ
И сонъ пагоняютъ. И въ сладостномъ снѣ
Вамъ вѣрво случилось забыться;
И голову прача подъ тѣнь, гдѣ свѣжѣй,
Вы думали: чтобъ молодѣй или старѣй
Десятками лѣтъ пробудиться!...

Ребенкомъ — чтобъ въ пѣсняхъ не слышать
труда,

Заботы и слезъ, — вни трудъ завсегда
Такъ полонъ, живеть въ нихъ и ды-
шетъ,

Иль старцемъ — не видѣть, какъ любить они,
Чтобъ въ пѣсняхъ напрасно томилъ любя
Чариканье глупое слышать....

Н. Хвоцинская.

II.

БѢГСТВО.

(изъ Теофила Готье.)

Кадмажа.

Въ небѣ гаснетъ мѣсяцъ ясный,

Ни звѣзды въ туманѣ нѣтъ,
Ночь безмолвна... Мигъ прекрасный!

Убѣжимъ, Ахмедъ.

Ахмедъ.

Дышать влобой твою братья...
Не страшитъ ихъ гвѣзъ тебѣ?—
Намъ отецъ пошлетъ проклятья,
Бѣлой бровью шевеля....

Кадмажа.

Что проклятья, что ихъ злоба!
Дорогъ ты душѣ моей....

Для тебя — хоть въ двери гроба!

Убѣжимъ скорѣй!

Ахмедъ.

И ночного покрывала
Не подыметъ утра свѣтъ,
Какъ отъ остраго вижжала
Ихъ рукой одеть Ахмедъ.

Кадмажа.

Дочь пустыни, кобылица
Съ нами — всѣхъ вѣтровъ быстрѣй —
Въ страны дальнія умчится....

Убѣжимъ скорѣй!

Ахмедъ.

Тамъ пески непроходимы....
Нѣтъ шатра, чтобъ бросить тѣнь:
Солнце жжетъ неумоимо,
Гдѣ прилечь въ палатѣй дѣвѣ?

Кадмажа.

Тѣнь тебѣ — мои рѣсницы....
Подъ шатромъ монхъ кудрей
Ночь продремашь до левницы!
Убѣжимъ скорѣй!

Ахмедъ.

Путь невѣдомъ, — обаянье
Степи сильно.... Тамъ, вдводемъ,
Безъ воды, безъ пропитанья,
Завтра жъ вмѣстѣ мы умремъ!

Кадмажа.

Сердце бьется жадной счастья!
Пусть тамъ вода прозрачныхъ нѣтъ —
Будутъ слѣзы сладострастья!...

Убѣжимъ, Ахмедъ!

М. Михайловъ.

III.

ТРОЯ.

Снится мнѣ твой берегъ дальній,
Древній, славный Иліонъ!
Вижу я твой долъ печальный,
Слышу моря вѣщій стонъ.
Вьется въ прахъ повеланка
По руинамъ гробовымъ —
И не слышно битвы клякы...
Все объято сномъ пѣмымъ.
Не шумятъ уже вѣтриа

У пологихъ береговъ.
И безмолвенъ, какъ могилъ
Спать Скамаваръ среди дуговъ.
Лишь одинъ бѣжитъ съ роптаньемъ
Шумноводный Сионсъ,
И съ глухимъ его журчаньемъ —
Плески волнъ морскихъ слились.
Зеленѣтъ холмъ священный,
Съ другомъ гдѣ Ахиллъ зарытъ;
А вдали кланъ отчужденный,
Гекторъ спитъ подъ грудой плитъ.
Надъ гробомъ холмовъ печальныхъ
Плющъ и терны разрослись,
И водъ кровомъ погребальнымъ
Всѣ герои улеглись.
Увѣчанная грозю,
Ила мрачная стоитъ,
И какъ сѣрою чамою,
Гаргаръ тучами повѣтъ.
Не плутъ переговоры
На вершинахъ ихъ крутыхъ,
И боговъ не слышны споры
О болахъ сыновъ земныхъ.
Надъ пустынными брегами
Вѣютъ сонъ и тишина,
И одна, слѣясь съ волнами,
Пѣсня древности слышна.

М. Михайловъ.

IV.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.

На пиру, за полной чашей,
Мнѣ несносенъ гость безцивильный:
Охмѣленный, затѣваетъ
Онъ и споръ и бой кровавый.
Милъ мнѣ скромный собесѣдникъ,
Кто, лары царицы Гнида
Съ даромъ музъ соединяетъ,
На пиру безпечно-веселъ.

М. Михайловъ.

ЮМОРИСТИКА.

ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ И ПОДМѢЧЕННЫЯ СЦЕНЫ.

I.

К С Т А Т И.

— Вы сегодня совсѣмъ не такія какъ
были въ воскресенье!
— Да, я тогда была не въ духѣ.
— А что ваша Мимиска?
— Она теперь выздоровѣла.
— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ жалъ!...
— Вотъ мило!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Кому не случилось лежать на травѣ,
И взоромъ въ небесной слѣдить синевѣ,
 Подъ сводомъ деревьевъ кудрявыхъ?
Вы помните, птицы шумятъ по вѣтвямъ,
И гнѣзды свиваютъ, и кажется вамъ
 Весь трудъ ихъ безпечной забавой.

И съ шумомъ и крикомъ хлопчутъ онѣ
И совѣ нагоняютъ. И въ сладостномъ снѣ
 Вамъ вѣрно случилось забыться;
И голову пряча подъ тѣнь, гдѣ свѣжѣй,
Вы думали: чтобъ молодѣй иль старѣй
 Десятками лѣтъ пробудиться!...

Ребенкомъ — чтобъ въ пѣсняхъ не слышать
 труда,
Заботы и слезъ, — ими трудъ всегда
 Такъ полонъ, живетъ въ нихъ и ды-
 шетъ,
Иль старцемъ — не видѣть, какъ любятъ они,
Чтобъ въ пѣсняхъ напрасно томящей любви
 Чириканье глупое слышать....

Н. ХВОЩИНСКАЯ.